

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «**УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ
ОПЫТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)**»

Выполнила
Колесникова Олеся Григорьевна,
обучающаяся по специальности 40.05.01
Правовое обеспечение национальной
безопасности
2021 года набора, 111 учебный взвод

Руководитель
заместитель начальника кафедры
кандидат юридических наук, доцент
Бадамшин Ильфат Давлетнурович

К защите _____
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ В.С. Латыпов
подпись

Дата защиты «___» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы участия защитника в производстве следственных действий.....	7
§ 1. История возникновения института защиты. Понятие и роль защитника в уголовном процессе.....	7
§ 2. Правовые нормы, регулирующие участие защитника в производстве следственных действий.....	16
Глава 2. Сравнение участия защитника в российском законодательстве и за рубежом.....	24
§ 1. Правовые подходы к участию защитника в России. Проблемы и недостатки российского законодательства и практики.....	24
§ 2. Правовые подходы участия защитника в системах права.....	30
§ 3. Анализ и возможности применения зарубежного опыта в российской практике.....	36
Заключение	44
Список использованной литературы.....	47
Приложение 1.....	54
Приложение 2.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Институт защиты в уголовном судопроизводстве является одним из ключевых индикаторов уровня демократичности правовой системы и гарантированности прав человека. В Российской Федерации, провозгласившей курс на построение правового государства, конституционные принципы состязательности, презумпции невиновности и права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции Российской Федерации) закладывают высокую планку для процессуального статуса защитника. Однако между этими конституционными декларациями и повседневной правоприменительной практикой существует устойчивый и углубляющийся разрыв. Участие защитника, особенно на критически важной стадии следственных действий, зачастую носит формальный, а не эффективный характер, что лишает подозреваемого и обвиняемого реальной возможности противостоять мощному обвинительному аппарату государства. Эта проблема ведет к системным нарушениям принципа равенства сторон, росту судебных ошибок и, как следствие, к снижению общественного доверия к правосудию.

В условиях глобализации права и интернационализации правовых стандартов изолированное рассмотрение национальных проблем без учета международного опыта становится методологически несостоятельным. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить альтернативные подходы к организации защиты, оценить их сильные и слабые стороны и, что наиболее важно, определить возможности адаптации наиболее эффективных элементов для совершенствования отечественного законодательства и практики. Таким образом, исследование, посвященное сравнению участия защитника в российском и зарубежном уголовном процессе, обладает не только теоретической, но и высокой практической значимостью в контексте поиска путей реформирования отечественной системы правосудия.

Проблемы участия защитника в уголовном процессе находились в центре внимания многих выдающихся российских процессуалистов. Теоретические основы статуса защитника, его функции и роль глубоко исследованы в трудах

Л.Д. Кокорева, П.А. Лупинской, Э.Ф. Куцовой, Г.П. Химичевой, А.Д. Бойкова. Вопросы обеспечения права на защиту на досудебных стадиях, участие в следственных действиях детально анализировались В.М. Быковым, С.А. Шейфером, В.Н. Григорьевым, А.П. Рыжаковым. Сравнительно-правовые аспекты уголовного судопроизводства и места в нем защитника освещались в работах Л.В. Головки, С.А. Пашина, А.В. Смирнова, Е.В. Марковичевой. Значительный вклад в исследование проблем эффективности защиты, в том числе в свете международных стандартов, внесли И.Л. Петрухин, В.А. Лазарева, Н.Н. Ковтун.

К сожалению, несмотря на обширную научную литературу, комплексных исследований, которые бы совмещали глубокий анализ системных проблем российской модели участия защитника с детальным сравнительно-правовым изучением зарубежных аналогов и последующей разработкой конкретных, поэтапных предложений по рецепции позитивного опыта, явно недостаточно. Часто зарубежные модели описываются изолированно, без увязки с конкретными дефектами отечественной практики, а предложения по реформированию носят либо слишком общий, либо механически-заимствующий характер.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации права на защиту в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных государств с различными правовыми системами. Предметом исследования являются нормы конституционного, уголовно-процессуального и адвокатского законодательства, регулирующие статус и деятельность защитника; практика их применения правоохранительными органами и судами; а также доктринальные подходы к пониманию роли защитника в рамках романо-германской, англосаксонской и смешанных правовых семей.

Целью дипломной работы является проведение комплексного сравнительно-правового анализа института защиты в российском и зарубежном уголовном процессе, выявление системных недостатков отечественной модели и разработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по

совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для обеспечения реальной и эффективной защиты.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать теоретические основы участия защитника: проанализировать исторический генезис института, современное понятие, цели, функции и системную роль защитника в уголовном судопроизводстве.

2. Проанализировать правовые нормы, регулирующие участие защитника в производстве следственных действий в России, в их историческом развитии и современном состоянии, выявив ключевые гарантии и проблемные аспекты.

3. Осуществить критический анализ правовых подходов к участию защитника в России, выявив системные противоречия между конституционными принципами, отраслевым законодательством и правоприменительной практикой.

4. Провести сравнительно-правовое исследование основных моделей участия защитника в романо-германской (континентальной) и англосаксонской (системы общего права) правовых семьях, определив их концептуальные основы и ключевые характеристики.

5. На основе выявленных системных проблем российской модели и анализа зарубежного опыта разработать комплекс конкретных, поэтапных предложений по адаптации позитивных зарубежных институтов в российскую правовую систему.

В работе применяется комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Ведущим является сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить различные правовые системы и выявить общие тенденции и специфические особенности. Используются также историко-правовой метод (при исследовании эволюции института защиты), формально-юридический метод (при анализе норм законодательства), системно-структурный метод (при рассмотрении места защитника в системе уголовного судопроизводства), метод правового моделирования (при разработке предложений по реформированию). Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных ученых в

области уголовного процесса, сравнительного правоведения и конституционного права.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», постановления Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, а также основные международные акты в области прав человека.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, два параграфа в каждой главе, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 1. История возникновения института защиты. Понятие и роль защитника в уголовном процессе

Исследование процессуального статуса и деятельности защитника в современном уголовном судопроизводстве невозможно без осмысления его исторических корней, которые уходят в глубокую древность и отражают эволюцию представлений о справедливости, праве на защиту и роли личности в противостоянии с государственной властью. Генезис института защиты демонстрирует путь от примитивных форм самообороны и родственного представительства к становлению профессионального, независимого сословия адвокатов, выступающего в качестве необходимого элемента правового государства. Понимание этой эволюции позволяет не только оценить современное состояние института, но и выявить устойчивые тенденции и неизменные принципы, составляющие его сущность. Анализ же современного понятия и роли защитника, дает ключ к осмыслению его процессуального положения как ключевого субъекта, обеспечивающего реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, принципов состязательности и презумпции невиновности.

Таким образом, целью данного параграфа является последовательное рассмотрение исторического развития института защиты, а также комплексный анализ правовой природы, функционального назначения и системной роли защитника в уголовном процессе России.

История института защиты насчитывает тысячелетия, а его истоки можно обнаружить уже в древнейших правовых системах. В Древней Греции и Риме постепенно формировались зачатки судебного представительства. В Риме периода республики и империи появились фигуры «патронов», «когниторов» и, наконец, «адвокатов» (*advocatus* – призванный), которые не были юристами в современном понимании, а скорее ораторами, защищавшими интересы граждан

в суде на основе своего социального статуса и красноречия. Их деятельность регулировалась нормами римского права, и именно в этот период были заложены базовые идеи судебной защиты, хотя они еще не составляли единой профессиональной корпорации¹. В средневековой Европе, включая Русь, развитие адвокатуры замедлилось. В Российской империи вплоть до судебной реформы 1864 года институт профессиональной защиты отсутствовал. Господствовала следственная, инквизиционная форма процесса, где обвиняемый был скорее объектом исследования, нежели стороной. Его «защита» могла осуществляться в форме подачи челобитных или через родственников, но системного противодействия обвинению не существовало.

Судебная реформа 1864 года, вдохновленная прогрессивными западными идеями, стала переломным моментом. Были введены состязательное судопроизводство, суд присяжных и, что наиболее важно, институт присяжных поверенных – первое в России профессиональное сословие адвокатов с самоуправлением, этическими нормами и процессуальными гарантиями. Такие деятели, как Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов, не только защищали конкретных подсудимых, но и формировали общественное правосознание, отстаивая идеи гуманизма и законности².

Советский период ознаменовался кардинальным пересмотром роли защиты. Декреты о суде 1917-1918 гг. упразднили адвокатуру как буржуазный институт, заменив ее системой коллегий правозаступников, которые рассматривались как часть государственного аппарата. В сталинский период, особенно в годы массовых репрессий, защита была фактически сведена к формальности, а сам защитник зачастую играл роль, подчиненную интересам обвинения и осуждения. Лишь в послесталинское время, с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и УПК РСФСР 1960 года, защитник получил более широкие, хотя и ограниченные (он

¹ Барщевский, М.Ю. Адвокатская этика: учебное пособие для вузов / М.Ю. Барщевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект, 2019. С. 45-48.

² Васьковский, Е.В. Организация адвокатуры: в 2 ч. / Е.В. Васьковский. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1893. – Ч. I. С. 117. (Репринтное издание 2018 г.).

допускался лишь с момента окончания предварительного следствия и предъявления обвинения для ознакомления с делом), процессуальные возможности. Этот исторический экскурс наглядно показывает, что степень развитости и независимости института защиты выступает надежным индикатором уровня демократичности и гуманизма всей правовой системы общества.

Современное понятие защитника в российском уголовном процессе имеет несколько измерений, центральным из которых является его формально-легальное определение. В узком, строго процессуальном смысле защитник определяется через нормативные предписания ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу¹. Данная дефиниция акцентирует функциональную направленность деятельности (защита прав и интересов) и ее процессуальную форму (осуществляемую в установленном порядке). Законодатель дифференцированно подходит к кругу лиц, допускаемых в этом качестве. Общим и основным правилом является участие адвоката – члена профессиональной корпорации, деятельность которого регламентирована Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и который обладает специальным статусом, гарантиями независимости и обязан соблюдать кодекс профессиональной этики².

В качестве исключения, только на стадии судебного разбирательства, по определению или постановлению суда, наряду с адвокатом в качестве защитника могут быть допущены один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Такое ограничение на досудебных стадиях продиктовано необходимостью обеспечения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001, ст. 49.

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 25.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002.

квалифицированного противодействия профессиональному обвинению в наиболее уязвимый для прав личности период.

Процессуальный порядок допуска защитника детально регламентирован и служит гарантией законности его статуса. Момент допуска к участию в деле строго определен: с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления; с момента вручения уведомления о подозрении; с момента объявления лицу протокола о задержании; с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. Для вступления в дело адвокат представляет следователю, дознавателю или в суд удостоверение и ордер, выданные соответствующим адвокатским образованием. Этот формальный акт легитимирует его полномочия и является основанием для реализации всего комплекса прав, предоставленных ст. 53 УПК РФ.

Однако легальное определение не исчерпывает всей глубины анализируемого понятия. В широком, конституционно-правовом и функциональном смысле защитник предстает как персонифицированный гарант реализации фундаментального положения ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Именно через активную и профессиональную деятельность защитника эта конституционная гарантия трансформируется из абстрактной декларации в реальную правовую возможность.

Более того, защитник является конститутивным (созидающим) элементом принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ. Без профессионально подготовленной и активной стороны защиты сам принцип состязательности теряет смысл, а процесс рискует выродиться в одностороннее, обвинительное по своей сути, производство. Защитник, таким образом, выступает необходимым условием реализации конституционной модели правосудия.

В этом контексте возникает важная проблема соотношения воли подзащитного и независимого профессионального суждения защитника. Защитник не является простым «рупором» или техническим исполнителем воли клиента. Как отмечает В.Н. Григорьев, защитник – самостоятельный субъект процесса, который, будучи представителем интересов обвиняемого, действует на основе своего внутреннего убеждения, профессионального опыта и закона, не будучи связанным позицией подзащитного, если она противоречит закону или, по мнению защитника, не служит интересам дела¹. Эта независимость подкреплена нормами адвокатской этики, запрещающими занимать позицию, противоречащую воле доверителя, за исключением случаев самооговора, однако предполагающими активное формирование позиции защиты на основе собственного анализа доказательств.

В научной доктрине продолжается дискуссия по ряду ключевых вопросов, связанных с понятием защитника. Один из них – соотношение терминов «защитник», «адвокат» и «представитель». Если «адвокат» обозначает профессиональный статус в рамках Закона об адвокатуре, а «представитель» – более широкую родовую категорию лица, действующего в интересах другого (включая гражданско-правовых представителей, представителей потерпевшего и т.д.), то «защитник» – это конкретный процессуальный статус в уголовном судопроизводстве, который, как правило, но не всегда, сочетается со статусом адвоката². Другим острым дискуссионным вопросом является проблема расширения круга лиц, допускаемых в качестве защитника на стадии предварительного расследования. Ряд процессуалистов, таких как Л.В. Головкин, указывают на проблему доступности защиты в условиях дефицита адвокатов в отдаленных регионах и предлагают рассмотреть возможность допуска иных лиц с высшим юридическим образованием под строгим судебным контролем³.

¹ Григорьев, В.Н. Участие защитника в доказывании на предварительном следствии: монография / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин. – М.: Эксмо, 2018. С. 91.

² Деришев, Ю.В. Проблемы конструирования уголовно-процессуальной функции защиты / Ю.В. Деришев // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 34.

³ Головкин, Л.В. Реформа уголовного правосудия в России: современные тенденции и исторический контекст / Л.В. Головкин. – М.: Статут, 2021. С. 67.

Противоположная позиция, которую разделяет, например, А.П. Рыжаков, основана на убеждении, что только корпоративная дисциплина, гарантии независимости и высокие этические стандарты адвокатского сообщества могут обеспечить реальное, а не фиктивное противодействие мощному государственному обвинительному аппарату на досудебной стадии¹.

Актуальной для правоприменительной практики остается и проблема «мнимого защитника» – ситуации, когда адвокат формально участвует в деле, но его деятельность сводится к пассивному присутствию, без заявления ходатайств, изучения материалов, активного участия в следственных действиях. Это явление дискредитирует институт защиты и требует как усиления внутрикорпоративного контроля, так и более внимательной оценки судом качества оказанной юридической помощи.

Деятельность защитника подчинена достижению четкой стратегической цели – обеспечению защиты прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Из этой генеральной цели вытекает система конкретных тактических задач, прямо предусмотренных законом и конкретизируемых в зависимости от обстоятельств дела. Согласно ст.ст. 53 и 248 УПК РФ, к таким задачам, в частности, относятся: опровержение предъявленного обвинения (подозрения) в целом или опровержение его отдельных элементов; выявление обстоятельств, смягчающих ответственность подзащитного; содействие в реабилитации лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию; а также оказание всей иной необходимой юридической помощи (например, в вопросах гражданско-правовых последствий дела). Для эффективного решения этих задач защитник реализует комплекс взаимосвязанных функций.

Юридикско-консультационная функция является фундаментальной. Она заключается в разъяснении подзащитному его процессуальных прав (права не свидетельствовать против себя, права на ознакомление с материалами дела, права обжалования действий следователя и т.д.), сущности и оснований

¹ Рыжаков, А.П. Защитник в уголовном процессе: научно-практическое руководство / А.П. Рыжаков. – М.: Экзамен, 2017. С. 155.

предъявленного обвинения, правовых последствий избрания той или иной процессуальной стратегии (например, согласия на особый порядок судебного разбирательства или заключения досудебного соглашения о сотрудничестве). Без качественного выполнения этой функции обвиняемый не может сделать осознанный выбор и эффективно участвовать в своей защите, превращаясь в пассивный объект процесса. Процессуально-активная функция составляет ядро защитительной деятельности. Она выражается в активных действиях по формированию позиции защиты: собирании и представлении доказательств (истребовании справок, характеристик, опросе лиц с их согласия, привлечении специалиста для дачи заключения), заявлении ходатайств (об исключении недопустимых доказательств, о проведении дополнительных следственных действий, о прекращении уголовного дела), заявлении отводов следователю, судье, эксперту, а также в непосредственном, активном и содержательном участии в производстве следственных действий (допросах, очных ставках, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте). Именно эта функция наполняет реальным содержанием принцип состязательности и равенства сторон.

Контрольно-гарантирующая функция направлена на обеспечение законности всего производства по делу. Защитник осуществляет постоянный надзор за действиями (бездействием) и решениями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Выявление нарушений уголовно-процессуального закона (несвоевременное обеспечение прав, незаконные методы следствия, фальсификация доказательств и т.п.) влечет за собой обязанность защитника реагировать путем подачи жалоб в установленном порядке. Тем самым защитник служит не только интересам своего подзащитного, но и публичному интересу в укреплении законности. Наконец, гуманитарно-психологическая функция, часто недооцениваемая в сугубо догматических исследованиях, имеет огромное практическое значение.

Уголовное преследование – это глубоко травмирующая ситуация, связанная со стрессом, страхом, чувством беспомощности и социальной стигматизацией. Защитник, выстраивая доверительные отношения, оказывая

моральную поддержку, разъясняя суть происходящего, помогает подзащитному сохранить психологическую устойчивость и способность к адекватной самозащите, что напрямую влияет на качество осуществления его процессуальных прав¹.

Роль защитника в системе уголовного судопроизводства является многогранной и системообразующей. Инструментальная (или балансирующая) роль заключается в том, что защитник выступает в качестве необходимого противовеса обвинительной власти государства. Он призван обеспечить не провозглашенное, а фактическое равенство сторон, создавая «паритет оружия» в условиях изначального дисбаланса ресурсов, информации и властных полномочий. Путем профессиональной критики, выявления процессуальных нарушений и представления альтернативных доказательств защитник нейтрализует перекос в сторону обвинения, заставляя государственный аппарат действовать в строгих правовых рамках. Конструктивная (позитивная) роль защитника состоит в его активном содействии установлению объективной истины по делу. Вопреки устаревшим стереотипам, отождествляющим защиту с помехой следствию, современная процессуальная доктрина, вслед за Э.Ф. Куцовой, рассматривает защитника как полноправного участника познавательной деятельности в процессе². Представляя суду и следствию альтернативную версию событий, представляя оправдывающие или смягчающие вину доказательства, заявляя ходатайства о проверке версий защиты, адвокат способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела (ст. 17 УПК РФ), помогая избежать судебной ошибки, основанной на односторонности или предвзятости.

Гарантийная роль защитника заключается в том, что он является персонифицированной, живой гарантией реализации конституционного права на защиту и принципа презумпции невиновности. Без его участия презумпция

¹ Махов, В.Н. Психология адвокатской деятельности / В.Н. Махов, А.В. Корнев. – М.: Юриспруденция, 2020. С. 78.

² Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе (проблемы теории и практики) / Э.Ф. Куцова. – М.: Юрлитинформ, 2017. С. 203.

невиновности зачастую остается лишь декларацией на бумаге. Защитник обеспечивает практическое действие этого принципа, требуя от обвинения безупречных доказательств и оспаривая любые сомнительные выводы. Кроме того, он играет ключевую роль в обеспечении индивидуализации ответственности и справедливости наказания, представляя суду полную информацию о личности подзащитного, условиях его жизни, смягчающих обстоятельствах, что позволяет вынести не шаблонный, а справедливый приговор. Социально-правовая роль защитника выходит за рамки интересов конкретного клиента. Он выступает как важнейший институт гражданского общества и элемент правового государства. Эффективная и независимая адвокатура повышает уровень доверия граждан к правосудию и государству в целом, так как создает уверенность в возможности найти защиту закона даже в споре с самим государством. Легитимность окончательного судебного решения также напрямую зависит от того, была ли стороне защиты предоставлена реальная и эффективная возможность быть заслушанной. Как подчеркивается в постановлениях Конституционного Суда РФ, право на защиту является абсолютно необходимым условием обеспечения справедливого правосудия¹. Решение, вынесенное с соблюдением этого права, воспринимается обществом как справедливое, что укрепляет авторитет судебной власти.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что институт защитника в российском уголовном процессе представляет собой продукт длительной исторической эволюции от архаичных форм к профессиональному корпоративному статусу, неразрывно связанному с идеями прав человека, справедливого суда и правового государства. Современное понятие защитника интегрирует в себе узкое процессуальное определение как участника судопроизводства, обладающего определенными правами и обязанностями, и широкое конституционно-функциональное понимание его как гаранта права на квалифицированную помощь и необходимого элемента

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000.

состязательной конструкции. Его деятельность, направленная на защиту прав обвиняемого, реализуется через систему взаимосвязанных функций: консультационную, процессуально-активную, контрольно-гарантирующую и гуманитарную.

Системная роль защитника как противовеса обвинению, активного участника в установлении истины, гаранта презумпции невиновности и фактора легитимации правосудия является незаменимой для достижения целей уголовного судопроизводства – как защиты личности от необоснованного обвинения, так и справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

§ 2. Правовые нормы, регулирующие участие защитника в производстве следственных действий

Участие защитника в производстве следственных действий представляет собой один из наиболее динамичных и содержательно насыщенных аспектов его процессуальной деятельности. Именно на стадии предварительного расследования закладывается основная доказательственная база по уголовному делу, формируется обвинительная конструкция, а права личности подвергаются наиболее интенсивному ограничению. В этих условиях активное и квалифицированное присутствие защитника при проведении следственных действий выступает не просто формальным требованием закона, а ключевым механизмом, обеспечивающим превенцию нарушений, соблюдение принципа состязательности «с первых шагов» процесса и действенную реализацию права на защиту. Данный параграф является логическим продолжением исследования теоретической природы и роли защитника, осуществленного в предыдущем параграфе, и направлен на конкретизацию его статуса через призму практических полномочий в рамках наиболее значимой досудебной процедуры. Целью параграфа является двуединая задача: проследить историческую эволюцию процессуальных возможностей защиты на стадии предварительного расследования, а также осуществить комплексный анализ современного правового регулирования участия защитника в следственных действиях, выявив

его значение как гарантии их законности и эффективной защиты прав обвиняемого.

Историческая ретроспектива участия защиты в досудебном собирании доказательств демонстрирует прямую зависимость данного института от господствующей модели уголовного процесса. В классическом инквизиционном (розыскном) процессе, господствовавшем в Европе, включая Россию, вплоть до середины XIX века, идея участия защитника в следственных действиях была абсолютно инородной. Процесс характеризовался тайной и сосредоточением в руках судьи-следователя функций обвинения, защиты и разрешения дела. Обвиняемый рассматривался не как субъект, обладающий правами, а как объект исследования, «источник доказательств», чьи показания нередко добывались под давлением. Сама мысль о допуске представителя обвиняемого к закрытым следственным процедурам противоречила самой сути розыска, где все действия осуществлялись в интересах «государева дела» и были ограждены от постороннего влияния¹. Принцип тайны следствия был непререкаем.

Коренной перелом связан с судебной реформой 1864 года и введением Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). Россия встала на путь смешанного, с выраженными состязательными элементами, процесса. Появилось профессиональное сословие присяжных поверенных. Однако доступ защитника к предварительному следствию оставался крайне ограниченным. Согласно УУС, защитник допускался, как правило, лишь по окончании предварительного следствия, при ознакомлении с его материалами. Непосредственное его участие в производстве отдельных следственных действий законом прямо не предусматривалось, что оставляло досудебную стадию по преимуществу в сфере влияния обвинительной власти. Таким образом, несмотря на огромный шаг вперед, состязательность по-настоящему начиналась лишь в суде².

¹ Скиперских, А.В. Инквизиционный процесс в России: историко-правовое исследование / А.В. Скиперских. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 80.

² Викторский, С.И. Русский уголовный процесс: учебник / С.И. Викторский. – М.: Городец, 1997 (репринт изд. 1911 г.). С. 147-148.

Советский период уголовного процесса, особенно в его ранней фазе, характеризовался возвратом к ограничительной трактовке роли защиты. Хотя УПК РСФСР 1922 и 1923 годов формально допускали защитника на предварительное следствие, реальная практика сводила его участие к минимуму. УПК РСФСР 1960 года, ознаменовавший некоторую либерализацию, тем не менее, закрепил модель, согласно которой защитник допускался к участию в деле с момента предъявления обвинения, а по делам несовершеннолетних – с момента начала допроса в качестве подозреваемого. Это означало, что ключевые начальные этапы расследования (задержание, первые допросы, иные неотложные действия) часто проходили без защитника. Доминирование публично-правовых, обвинительных начал над частными интересами защиты было очевидным. Лишь в конце 1970-х – 1980-х годах, под влиянием как внутренних потребностей, так и международных стандартов, началось постепенное расширение процессуальных возможностей защитника, например, право участвовать в допросе обвиняемого и в иных следственных действиях, производимых по его ходатайству¹.

Современная правовая модель, закрепленная УПК РФ года, стала закономерным итогом этой эволюции и ответом на требования Конституции РФ и судебной практики. Ключевым достижением стало кардинальное расширение момента допуска защитника. Согласно ст. 49 УПК РФ, защитник участвует в уголовном деле теперь с момента: вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого; возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления; вручения уведомления о подозрении; начала осуществления иных мер процессуального принуждения или процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица. Эта прогрессивная норма, сформированная в том числе под влиянием постановлений Конституционного Суда РФ, призвана обеспечить право на квалифицированную помощь с самого

¹ Томин, В.Т. Очерки теории уголовного процесса / В.Т. Томин. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018. С. 33.

начала официального ограничения прав личности¹. Данная историческая трансформация от полного исключения до раннего и широкого допуска отражает общемировую тенденцию усиления гарантий прав обвиняемого на досудебной стадии.

Общая правовая модель участия защитника в следственных действиях в современном российском процессе базируется на системном толковании норм УПК РФ. Основаниями участия являются наличие у лица процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого и принятие защитником на себя обязанностей по делу (по соглашению или по назначению). Участие может быть как обязательным (по делам несовершеннолетних, лиц с физическими или психическими недостатками, в иных случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ), так и факультативным – по инициативе самого подзащитного или его законного представителя. Процедура допуска носит уведомительный характер: следователь обязан своевременно известить защитника о времени и месте производства следственного действия, а при его явке – разъяснить права, предусмотренные ст. 53 УПК РФ, и отразить факт участия в протоколе.

Комплекс общих прав защитника во время любого следственного действия, вытекающих из ст. 53 и общих требований к производству следственных действий (гл. 21, 22 УПК РФ), образует его процессуальный инструментарий. К ним, в частности, относятся: право давать подзащитному краткие консультации в присутствии следователя; с разрешения следователя задавать вопросы допрашиваемым лицам; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного, и подавать на них замечания; заявлять ходатайства и отводы; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя. Важно подчеркнуть, что эти права носят не пассивно-наблюдательный, а активно-

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27.

преобразовательный характер, позволяя защитнику влиять на ход и результаты действия в интересах своего доверителя.

Специальное регулирование участия защитника раскрывается применительно к конкретным видам следственных действий, что обусловлено их специфическими целями и процедурами. При производстве допроса (ст.ст. 189, 190 УПК РФ) защитник выполняет роль не только консультанта, но и фильтра, обеспечивающего законность тактики допроса (см. приложение 1). Он вправе с разрешения следователя задавать вопросы, а также, что особенно важно, пресекать постановку наводящих вопросов или вопросов, носящих характер психологического давления, унижающих честь и достоинство. Защитник должен следить за физиологическим состоянием подзащитного (наличием перерывов, нормальными условиями), пресекать попытки манипуляций или угроз. Его присутствие призвано нейтрализовать стрессовую обстановку, позволяя подзащитному давать свободные и осознанные показания. В ходе очной ставки (ст. 192 УПК РФ), где психологическое напряжение достигает пика, роль защитника еще более возрастает. Помимо контроля за соблюдением порядка проведения, он помогает подзащитному в формулировке вопросов другому участнику, оказывает содействие в изобличении ложных показаний, следит за тем, чтобы следователь не оказывал одностороннего давления. Своевременные заявления защитника могут предупредить нарушения, способные повлиять на достоверность показаний, полученных на очной ставке.

При предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ) защитник выступает как гарант объективности этой процедуры. Он вправе до начала опознания удостовериться, что предъявляемые лица или предметы сходны между собой, а опознающий не имел возможности ранее увидеть опознаваемого в непривычной обстановке. Защитник может делать заявления о нарушении условий предварительного предъявления, фиксировать в замечаниях к протоколу обстоятельства, которые, по его мнению, могли повлиять на результаты опознания. В следственном эксперименте и проверке показаний на месте (ст.ст. 181, 194 УПК РФ) участие защитника позволяет контролировать соответствие воссоздаваемых условий реальной обстановке события,

обеспечивать безопасность подзащитного при воспроизведении действий, фиксировать возможные противоречия в действиях следователя или в объяснениях других участников (см. приложение 2). При производстве обыска и выемки (ст.ст. 182, 183 УПК РФ) присутствие защитника служит важной гарантией против произвола. Он следит за тем, чтобы действия проводились в строгих рамках постановления, чтобы не нарушалась неприкосновенность жилища сверх необходимого, чтобы в протокол вносились все изымаемые предметы, а также те обстоятельства, которые могут иметь значение для защиты (например, способ вскрытия хранилищ, наличие понятых, состояние изымаемых предметов). Право требовать внесения в протокол существенных замечаний позволяет защитнику зафиксировать нарушения для их последующего обжалования и, возможно, признания доказательства недопустимым.

Несмотря на достаточно детальное законодательное регулирование, правоприменительная практика участия защитника в следственных действиях сталкивается с рядом устойчивых проблем и коллизий. Во-первых, сохраняются фактические ограничения участия, часто маскируемые под организационные или процедурные предлоги. К ним относятся: несвоевременное уведомление защитника о времени проведения действия; назначение действий на ночное время под предлогом неотложности, когда связанный с подзащитным адвокат физически не может присутствовать; проведение так называемых «одномоментных» серий действий, рассчитанных на физическое истощение участников защиты. Подобные тактические приемы, хотя и могут быть оспорены, на практике существенно затрудняют реализацию права на защиту. Во-вторых, остаются предметом спора пределы активности защитника. Закон говорит о праве давать «краткие консультации», но не раскрывает это понятие. На практике между защитником и следователем часто возникают конфликты: что считать краткостью – одно слово, фразу или развернутое пояснение? Когда вопросы защитника к допрашиваемым лицам перерастают в противодействие следствию? Как отмечает А.В. Кудрявцева¹, отсутствие четких критериев

¹ Кудрявцева, А.В. Участие защитника в следственных действиях: процессуальные и тактические аспекты / А.В. Кудрявцева. – М.: Юстицинформ, 2020. С. 58.

приводит к произвольным ограничениям со стороны следователей, которые могут трактовать активность защитника как нарушение порядка.

Ключевую роль в разрешении этих коллизий и укреплении гарантий играет судебная практика, прежде всего, высших судов. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 30.06.2015 № 29 неоднократно подчеркивал, что нарушение права на помощь защитника, в том числе необеспечение его участия в следственном действии, когда такое участие является обязательным или заявлено ходатайство, влечет признание полученных доказательств недопустимыми¹. Конституционный Суд РФ в ряде своих решений сформулировал правовую позицию, согласно которой право на защиту должно быть не формальным, а эффективным, что предполагает возможность реального влияния защитника на ход досудебного производства, включая следственные действия².

Таким образом, историческое развитие института защиты в России демонстрирует поступательное движение от полного отрицания какой-либо роли защитника в досудебном следствии в инквизиционном процессе к признанию его участия в следственных действиях в качестве неотъемлемой процессуальной гарантии справедливого правосудия. Современное правовое регулирование, закрепленное в УПК РФ, создало солидную нормативную базу для активной и многоплановой деятельности защитника на стадии предварительного расследования. Законодатель наделил защитника широким комплексом прав, позволяющих не только наблюдать, но и активно влиять на ход следственных действий, обеспечивая их законность, полноту и объективность, а также защищая права и законные интересы подзащитного. Однако эффективность этих правовых предписаний в решающей степени зависит от качества

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 29.11.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.

² По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав статьями 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2003 № 429-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.

правоприменения, уровня правовой культуры следователей, судей и самих адвокатов, а также от последовательной реализации гарантий, выработанных в судебной практике, прежде всего Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ. Преодоление сохраняющихся проблем фактического ограничения участия и размытости процессуальных границ его активности остается актуальной задачей для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики. Выводы, полученные в результате анализа национального правового регулирования, создают необходимую основу для сравнительно-правового исследования, которое позволит выявить сильные и слабые стороны российской модели, сопоставив ее с подходами, существующими в зарубежных правовых порядках, что и составит предмет рассмотрения в следующей главе работы.

ГЛАВА 2. СРАВНЕНИЕ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАРУБЕЖОМ

§ 1. Правовые подходы к участию защитника в России. Проблемы и недостатки российского законодательства и практики

Институт защиты в современном российском уголовном процессе представляет собой сложный и противоречивый феномен, выступающий своего рода индикатором состояния всей уголовной юстиции. С одной стороны, формально-юридические основы этого института, заложенные в Конституции РФ и ряде решений высших судов, провозглашают право на квалифицированную помощь, состязательность и презумпцию невиновности. С другой стороны, повседневная правоприменительная практика демонстрирует устойчивый разрыв между этими декларациями и реальным положением защитника, который зачастую оказывается не способен выступать в качестве полноценного противовеса обвинительному уклону. Данный параграф, логически продолжая историко-теоретический анализ предыдущей главы, нацелен на критическую ревизию действующей российской модели. Его центральной задачей является ответ на вопрос: в какой степени существующие правовые подходы к регулированию деятельности защитника в России обеспечивают реализацию права на эффективную защиту, и какие системные проблемы законодательства и правоприменительной практики препятствуют превращению защитника в подлинный противовес обвинению на всех стадиях процесса? Для этого предстоит последовательно проанализировать доминирующие правовые подходы, выявить внутренние коллизии законодательства и исследовать ключевые дефекты правоприменения.

Анализ правовых подходов к регулированию статуса защитника в России позволяет выявить три основных, нередко конфликтующих между собой, вектора. Первый можно обозначить как формально-декларативный или конституционно-правовой подход. Он базируется на высших ценностях, закрепленных в Конституции РФ: праве каждого на получение

квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48) и праве пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48). Эти конституционные нормы получают развитие в отраслевых принципах уголовного судопроизводства, прежде всего, в принципе состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) и презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). На этом уровне провозглашается модель сильной, независимой и активной защиты, необходимой для обеспечения справедливого баланса в противостоянии личности и государства. Данный подход задает высокую планку и служит ориентиром для законодателя и правоприменителя.

Второй, рестриктивно-процессуальный подход, отражает реальное наполнение статуса защитника в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ. Здесь декларации конкретизируются через детальную, зачастую избыточно ограничительную регламентацию полномочий. Статья 53 УПК РФ, перечисляя права защитника, одновременно очерчивает их границы: давать краткие консультации (но не развернутые консультации), задавать вопросы другим участникам следственного действия с разрешения следователя (разрешительный, а не уведомительный порядок), собирать доказательства путем получения предметов, документов, опроса лиц, но без возможности принудительного обеспечения явки этих лиц. Этот подход сосредотачивает процессуальный контроль и инициативу преимущественно в руках государственных органов (следователя, дознавателя, суда), оставляя защитнику роль скорее критика и просителя, чем равноправного участника доказательственной деятельности. Как отмечает В.А. Лазарева, УПК РФ сконструировал «состязательность под контролем государства», где формальное равенство сторон не подкреплено равными возможностями по формированию доказательственной базы¹.

Третий подход – охранительно-судебный – реализуется преимущественно

¹ Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. С. 89.

через деятельность Конституционного Суда РФ. Судебный конституционный контроль выступает важным катализатором изменений, направленных на усиление защиты. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, обязательные для всех правоприменителей, неоднократно расширяли гарантии: например, введя право на защиту с момента фактического задержания, подчеркнув недопустимость использования доказательств, полученных в отсутствие избранного обвиняемым защитника, если тот мог быть приглашен¹. Таким образом, охранительно-судебный подход постоянно корректирует рестриктивно-процессуальный, вынуждая законодателя и правоприменителя двигаться в сторону конституционно-декларативных идеалов, однако эта корректировка носит часто запаздывающий и точечный характер.

Системные недостатки законодательства проистекают из противоречий между указанными подходами и создают «правовые ловушки», формализующие участие защиты. Наиболее острая проблема – доступ к защитнику. Несмотря на прогрессивную формулировку ст. 49 УПК РФ, на практике сохраняется формализм в определении момента начала уголовного преследования. Как справедливо указывает О.В. Мичурина, правоохранительные органы зачастую искусственно затягивают придание лицу статуса подозреваемого, проводя в отношении него неотложные следственные действия (допросы, обыски) под видом «проверки сообщения о преступлении» или в рамках «оперативно-розыскных мероприятий», что лишает его права на помощь защитника в критически важный момент². Механизм назначения защитника через адвокатскую палату также далек от совершенства: задержки в направлении адвоката, низкий уровень мотивации и квалификации части адвокатов по назначению ставят под сомнение саму идею квалифицированной помощи для несостоятельных обвиняемых.

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27.

² Мичурина, О.В. Право на защиту в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы реализации / О.В. Мичурина. – М.: Проспект, 2019. С. 45.

Ключевым дефектом является ограниченность полномочий защитника на стадии предварительного расследования. Право на собирание доказательств, закрепленное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, является по сути усеченным. Защитник может получать предметы, документы, опрашивать лиц, но эти действия не являются следственными, а полученные сведения – доказательствами в процессуальном смысле. Они приобретают статус доказательств лишь после их приобщения к делу следователем или судом, которые могут в этом отказать. Защитник не вправе принудительно обеспечить явку свидетеля, назначить экспертизу или провести обыск. Это порождает своеобразный феномен, когда результаты его деятельности, полностью зависят от доброй воли следователя. Участие в следственных действиях также формализовано: право делать «замечания» не гарантирует их отражения в протоколе в полном объеме, а следователь волен решать, какие замечания являются «существенными».

В системе наблюдается явный дисбаланс в правах сторон. Следователь по собственной инициативе вправе проводить десятки видов следственных действий. Защитник же лишен права на самостоятельное ходатайство о проведении подавляющего большинства из них (например, о назначении экспертизы, о производстве выемки у третьих лиц). Его ходатайство адресовано следователю, который его разрешает. Отказ может быть обжалован в суд, но судебная практика по ст. 125 УПК РФ традиционно отличается высокой степенью доверия к решениям следствия. Асимметрия проявляется и в доступе к материалам дела: следователь с первого дня имеет полный доступ ко всем собранным данным, в то время как защитник и обвиняемый получают возможность ознакомиться с материалами оконченого расследования лишь на его завершающем этапе (ст. 217 УПК РФ), что лишает их возможности эффективно строить защиту в динамике.

Однако наиболее разрушительное воздействие на институт защиты оказывают проблемы правоприменительной практики, которые сводят на нет даже те ограниченные гарантии, что предусмотрены законом. Органы предварительного расследования зачастую применяют целый арсенал средств фактического противодействия защите. Тактика «информационной блокады»

включает несвоевременное уведомление о следственных действиях, их проведение в ночное время, в отдаленных СИЗО, что затрудняет явку конкретного, желаемого обвиняемым адвоката. Ограничивается конфиденциальность общения: создаются помехи для свиданий без ограничения их времени и числа. Давление на самого защитника может принимать форму угроз привлечения к уголовной ответственности по ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» или ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности» УК РФ за излишнюю, с точки зрения следователя, активность.

Судебная власть на досудебных стадиях зачастую не выполняет своей контрольной и уравнивающей функции. Судебный контроль за избранием меры пресечения, санкционированием следственных действий (ст.ст. 108, 165 УПК РФ) нередко носит формальный характер, базируясь на презумпции достоверности материалов, представленных стороной обвинения. Суды крайне неохотно удовлетворяют ходатайства защиты об исключении недопустимых доказательств или о производстве следственных действий, демонстрируя обвинительный уклон. Процедура рассмотрения жалоб на действия следователя по ст. 125 УПК РФ превратилась в малоэффективный ритуал, где суд, не имея полноты информации, предпочитает не «вмешиваться» в предварительное расследование, оставляя жалобу без удовлетворения¹.

Отдельной «язвой» правоприменительной практики является проблема «мнимого» или «карманного» защитника. Речь идет как о низком качестве защиты по назначению в силу экономических причин (крайне низкие и несвоевременные выплаты из бюджета), так и о случаях, когда защитник, формально действуя по соглашению, фактически координирует свои действия со следствием, уговаривая подзащитного признать вину или не обжаловать нарушения. Этот феномен подрывает саму основу доверия к институту адвокатуры. Экономические и психологические барьеры также велики: для большинства граждан квалифицированная адвокатская помощь по соглашению

¹ Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело и Сервис, 2023. С. 67.

финансово недоступна, а правовая беспомощность и укоренившееся недоверие к системе порой приводят к отказу от защитника вообще, что играет на руку обвинению. В свою очередь, часть адвокатов, сталкиваясь с системным противодействием и равнодушием судов, подвержена профессиональному выгоранию и правовому нигилизму, что снижает качество их работы.

Последствия выявленных системных проблем носят глубоко деструктивный характер для всего правосудия. Нарушается фундаментальный принцип состязательности и равенства сторон, процесс де-факто возвращается к инквизиционным чертам с доминированием обвинительной власти. Это напрямую ведет к росту числа судебных ошибок, основанных на односторонне и нередко с нарушениями собранных доказательствах. Подрывается доверие граждан к правосудию, которое начинает восприниматься не как независимый арбитр, а как продолжение обвинительного аппарата. Закономерным итогом является устойчивое воспроизводство практики, не соответствующей конституционным стандартам справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, правовые подходы к регулированию участия защитника в России характеризуются глубоким и устойчивым дуализмом. Прогрессивные конституционные декларации и охранительные позиции высших судов систематически нейтрализуются рестриктивным отраслевым законодательством, которое, в свою очередь, девальвируется обвинительной по своей культуре и инерции правоприменительной практикой. Проблемы носят не частный, а системный характер, уходя корнями в инквизиционное прошлое отечественного процесса, где защита исторически воспринималась как досадное препятствие, а не как необходимый конструктивный элемент установления материальной истины и гарант справедливости. Существующая модель создает видимость состязательности, но не обеспечивает реального равенства «оружия» сторон, оставляя защитника в зависимом и уязвимом положении. Констатация этих фундаментальных проблем и противоречий создает необходимую основу для следующего этапа исследования – сравнительного анализа. Обращение к зарубежному опыту, к иным правовым подходам (англосаксонской, континентальной, смешанной моделям) позволит выявить альтернативные

способы организации защиты, оценить возможные пути реформирования российского законодательства и правоприменительной практики для преодоления выявленного разрыва между декларациями и реальностью, что и составит предмет рассмотрения в следующем параграфе.

§ 2. Правовые подходы к участию защитника в системах права

В условиях интеллектуальной и профессиональной глобализации юридического сообщества, сравнительно-правовой анализ институтов уголовного процесса перестает быть сугубо академическим упражнением, превращаясь в необходимый инструмент критической рефлексии и поиска путей совершенствования национального законодательства. Понимание того, как устроена роль защитника в различных правовых системах мира, позволяет выйти за рамки привычных парадигм, увидеть альтернативные подходы к обеспечению справедливого судебного разбирательства и оценить сильные и слабые стороны отечественной модели. Предметом настоящего параграфа выступают не отдельные, изолированные нормы, а системообразующие принципы и концепции, определяющие место, роль и полномочия защитника в рамках основных правовых семей. Сравнительный анализ проводится через призму методологии выделения «идеальных типов», что позволяет сконцентрироваться на ключевых, сущностных характеристиках, абстрагируясь от частных национальных особенностей. Целью параграфа является выявление и комплексная характеристика фундаментальных различий в правовых подходах к роли, статусу и полномочиям защитника в романо-германской (континентальной) и англосаксонской (системы общего права) семьях права, а также их отражение в смешанных (постсоветских) моделях, с последующим определением глобальных тенденций и практической значимости такого сопоставления для российской правовой системы.

Методологическая основа сравнения требует предварительного определения ключевых критериев анализа, которые позволяют провести содержательное различие между системами. Первым и наиболее

фундаментальным критерием является философско-правовая цель уголовного судопроизводства. Для континентальной традиции, восходящей к каноническому и инквизиционному праву, исторически доминирующей является цель установления материальной (объективной) истины как публичного блага. Процесс здесь в значительной степени направляется государством в лице суда или следственного судьи для достижения этой надличностной цели. В системе общего права, напротив, процесс изначально строился по модели частноправового спора между сторонами – короной (государством) и обвиняемым. Целью выступает не столько установление абсолютной истины, сколько справедливое разрешение этого спора в рамках строгой процедуры, где победителем считается сторона, более убедительно представившая свою версию событий. Из этого базового различия проистекает второй критерий – роль защитника. В континентальной модели защитник, особенно в ее классическом понимании, рассматривается не только как представитель интересов клиента, но и как своеобразный «орган правосудия», обязанный содействовать установлению истины, что накладывает на него определенные этические ограничения (например, в отношении заведомо ложных показаний). В англосаксонской состязательной модели защитник – это прежде всего лояльный и агрессивный представитель («адвокат-воин»), чья профессиональная обязанность заключается в максимально эффективном использовании всех законных средств для защиты клиента, вплоть до процессуальной конфронтации с обвинением, даже если истинное положение дел известно защитнику¹. Третий критерий касается структуры процесса и распределения процессуальной инициативы. В континентальной системе активная, а в исторических формах и руководящая роль в сборе и исследовании доказательств принадлежит суду или следственному судье (следователю). В adversarial system суд пассивен, он выступает в роли нейтрального арбитра, наблюдающего за поединком сторон, которые полностью несут бремя

¹ Марковичева, Е.В. Модели уголовного процесса: сравнительно-правовое исследование / Е.В. Марковичева. – М.: Проспект, 2018. С. 88.

представления и исследования своих доказательств¹.

Модель защитника в романо-германской (континентальной) системе права, представленная такими странами, как Германия, Франция, Италия и Испания, несет в себе отчетливые черты своего исторического происхождения. Идея поиска объективной истины как публичной задачи обусловила традиционно сильные позиции государственных органов расследования (следственного судьи, прокурора) и активную роль суда. Статус и полномочия защитника детально регламентированы уголовно-процессуальными кодексами, что обеспечивает предсказуемость, но и создает жесткие рамки. Традиционно для этой модели был характерен относительно поздний доступ защитника к материалам дела на досудебной стадии, а его возможности по самостоятельному собиранию доказательств были существенно ограничены. Защитник имел право знакомиться с материалами следствия, заявлять ходатайства, участвовать в следственных действиях, но не вести параллельное расследование. Его роль на предварительном следствии часто сводилась к наблюдению и критике действий обвинения, а не к активному формированию своей доказательственной базы. Активная, инквизиционная по духу роль суда также могла ограничивать пространство для маневра защиты, поскольку судья брал на себя функцию установления истины, иногда воспринимая защитника как помеху в этом процессе. Вместе с тем, современное развитие континентальных систем, особенно под влиянием глобальных дискуссий о правах человека и верховенстве права, демонстрирует отчетливую тенденцию к усилению состязательных элементов и расширению гарантий защиты на досудебных стадиях. Это выражается в более раннем допуске адвоката, укреплении права на молчание и конфиденциальность общения, хотя активная, ведущая роль государственного органа расследования по-прежнему остается системообразующей чертой².

Англосаксонская модель, наиболее ярко выраженная в США, а также в

¹ Томсинов, В.А. Сравнительное правоведение и юридическая география мира / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2017. С. 112.

² Головкин, Л.В. Реформа уголовного правосудия в России: современные тенденции и исторический контекст / Л.В. Головкин. – М.: Статут, 2021. С. 157.

значительной степени в Великобритании, Канаде и Австралии, строится на принципиально иной философской основе. Процесс здесь концептуализируется как спор равных сторон перед нейтральным судьей-арбитром. Из этого вытекает роль защитника как активного, а порой и агрессивного борца за интересы клиента, чья профессиональная этика ориентирована на максимально возможную защиту в рамках закона, даже если это означает использование процедурных лазеек или тактических приемов, затрудняющих установление объективной картины события. Краеугольным камнем данной модели является принцип «равенства оружия», который подразумевает предоставление стороне защиты широких возможностей для самостоятельного сбора доказательств. Защитник имеет право нанимать частных детективов, экспертов, опрашивать свидетелей, проводить собственное расследование, формируя альтернативную версию, независимую от линии обвинения. Доступ к делу, как правило, является ранним и широким, включая стадию до предъявления формального обвинения. Важнейшей, а в США – доминирующей чертой современного процесса стал институт сделки о признании вины. Этот институт кардинально трансформирует роль защитника: из «воина» в суде он превращается в переговорщика, стратега, оценивающего риски и стремящегося достичь наиболее выгодного для клиента соглашения с обвинением, часто в обмен на отказ от полноценного судебного разбирательства. Это смещает фокус с установления истины в суде на торг о наказании на досудебной стадии¹. Критики данной модели справедливо указывают на ее серьезные недостатки: риск того, что правосудие превратится в игру, где побеждает более искусный или лучше финансируемый адвокат; вопиющее неравенство в качестве защиты для богатых и бедных обвиняемых; этические дилеммы защиты заведомо виновного лица и возможное воспрепятствование установлению истины.

Помимо двух основных моделей, существуют иные системы, представляющие интерес для сравнительного анализа. Постсоветская модель, к

¹ Пашин, С.А. Уголовный процесс зарубежных стран / С.А. Пашин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. С. 204.

которой относится и российское уголовное судопроизводство, представляет собой своеобразный гибрид или смешанный тип. Унаследовав от советского периода мощный инквизиционный каркас с доминированием государственного обвинения и обвинительным уклоном, эти системы на формально-правовом уровне закрепили принципы состязательности, презумпции невиновности и права на защиту. Однако на практике внедрение этих принципов сталкивается с глубоко укорененной следственной и судебной культурой, ориентированной на обвинительный результат. В результате возникает эклектичная конструкция: формальные нормы, заимствованные из континентальной или даже отчасти состязательной традиции, накладываются на инквизиционную практику. Защитник в такой системе оказывается в двусмысленном положении: закон провозглашает его активным участником, но процессуальные механизмы (ограниченные права на сбор доказательств, разрешительный порядок действий, пассивно-обвинительная позиция суда) и профессиональная культура правоохранительных органов серьезно ограничивают его реальную эффективность. Другой пример – исламская система права (шариат), где уголовный процесс глубоко укоренен в религиозных нормах и коллективистских ценностях. Классический институт профессионального защитника в западном понимании здесь отсутствует. Обвиняемый может иметь представителя (вакиля), но его полномочия, как правило, сильно ограничены, а центральную роль в процессе играют судья (кади), признание обвиняемого и свидетельские показания, строго регламентированные религиозным правом. Это демонстрирует, насколько представление о роли защиты является производным от общей философии правосудия в конкретном обществе¹.

Сравнительный анализ позволяет не только констатировать различия, но и выявить определенные тенденции конвергенции (сближения) правовых систем в сфере гарантий права на защиту. Глобальное влияние идей прав человека и верховенства права привело к формированию некоего универсального

¹ Сапронова, М.А. Правовые системы современного Востока: государства Арабского Востока, Турция, Иран, Афганистан, Израиль / М.А. Сапронова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 77.

минимального стандарта, к которому тяготеют различные модели. Этот стандарт включает право на незамедлительное уведомление об основаниях задержания, право на молчание, право на конфиденциальное общение с адвокатом и право на его присутствие при проведении ключевых процессуальных действий, особенно допросов. Под давлением этого глобального тренда континентальные системы, как уже отмечалось, расширили права защиты на досудебной стадии. С другой стороны, в самих странах общего права наблюдаются дискуссии о необходимости усиления роли суда в контроле за добросовестностью ведения дела сторонами, чтобы предотвратить злоупотребления состязательной процедурой. Происходит и гибридизация на уровне процессуальных институтов. Ярким примером является заимствование элементов согласованного признания вины в континентальные и постсоветские системы (например, институт досудебного соглашения о сотрудничестве и особый порядок судебного разбирательства в УПК РФ), что кардинально меняет роль защитника, добавляя к его функциям навыки переговорщика. Однако важно различать формальную конвергенцию норм и реальную правовую культуру. Закон может быть изменен, но инерция мышления, обвинительный уклон, традиции патерналистского отношения государства к гражданину меняются гораздо медленнее, что создает разрыв между «правом в книгах» и «правом в действии», особенно в смешанных и переходных системах¹.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что не существует единой, универсальной модели участия защитника в уголовном процессе. Романо-германская и англосаксонская системы предлагают два фундаментально различных подхода, порожденных своей историей, философией права и социальным контекстом. Континентальная модель, делая акцент на установлении материальной истины и активной роли государства, обеспечивает системность и предсказуемость, но исторически склонна ограничивать инициативу защиты. Состязательная модель, ставя во

¹ Борисова, Н.Е. Конвергенция правовых систем в сфере уголовной юстиции: теоретические и практические аспекты / Н.Е. Борисова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 1. – С. 44.

главу угла разрешение спора и принцип равенства сторон, предоставляет защитнику мощные инструменты для противодействия обвинению, но несет в себе риски превращения правосудия в игру и усугубления социального неравенства. Российская (постсоветская) модель занимает промежуточное, внутренне противоречивое положение, пытаясь совместить инквизиционное наследие с состязательными декларациями, что порождает системные проблемы, рассмотренные в предыдущем параграфе. Глобальной тенденцией является не полное слияние моделей, а их взаимовлияние и формирование общего ядра минимальных процессуальных гарантий защиты. Понимание сильных и слабых сторон каждой из моделей, причин их возникновения и логики функционирования создает прочный фундамент для следующего этапа исследования – критической оценки российской практики на фоне международного опыта и выработки конкретных предложений по реформированию, которые могли бы, избегая механического копирования, заимствовать наиболее эффективные элементы иных систем для преодоления системных дефектов отечественного уголовного судопроизводства, что и составит предмет следующего параграфа.

§ 3. Анализ и возможности применения зарубежного опыта в российской практике

Выявление фундаментальных системных проблем российской модели защиты, рассмотренных в предыдущих параграфах, закономерно приводит к вопросу о путях их преодоления. Очевидно, что решение этих проблем не может быть найдено исключительно в рамках сложившейся национальной парадигмы, требующей критической переоценки. В этом контексте обращение к зарубежному опыту представляет собой не просто академический интерес, а насущную практическую необходимость. Однако рецепция иностранных правовых институтов является сложным и рискованным процессом, чреватый явлением «правового трансплантата» – механического переноса нормы в иную правовую среду, где она не приживается или приводит к негативным

последствиям. Поэтому цель данного параграфа заключается не в описании зарубежных моделей, а в проведении функционального и критического анализа конкретных институтов англосаксонской и континентальной систем, доказавших свою эффективность в обеспечении реального равенства сторон, с последующей разработкой научно обоснованных рекомендаций по их адаптированной имплементации в российскую правовую систему. Ключевой задачей является оценка потенциала адаптации, выявление возможных рисков и предложение модели «мягкой» рецепции, учитывающей национальные правовые традиции, состояние правовой культуры и практические реалии.

Принципы и ограничения рецепции зарубежного опыта требуют четкого осознания исходных условий. Успешная адаптация любого правового института возможна лишь при учете системности права, то есть его органической связи с другими элементами правовой системы – судоустройством, профессиональной этикой, правовой психологией общества. Как отмечает В.В. Лазарев, попытка внедрения отдельных элементов состязательной модели в систему с сильным инквизиционным наследием без изменения правовой ментальности участников процесса обречена на формализацию¹. Поэтому заимствование должно сопровождаться изменением подзаконных актов, инструкций и, что важнее всего, образовательных и профессиональных стандартов для судей, следователей и адвокатов. Критериями отбора конкретных институтов для изучения должны служить: их способность напрямую повышать эффективность защиты и усиливать состязательность; наличие доказанного позитивного эффекта в стране-доноре; относительная совместимость с континентальными основами российского процесса, чтобы минимизировать культурный шок. При этом тотальный перенос, например, чистой американской состязательной модели в российские условия не только невозможен, но и нецелесообразен, так как вступил бы в непримиримое противоречие с устоявшимися представлениями о роли государства и суда в установлении истины.

¹ Лазарев, В.В. Правовые трансплантации: теория и практика / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2018. – № 6. С. 78.

Среди перспективных зарубежных институтов, направленных на усиление роли защиты на досудебной стадии, особого внимания заслуживает право защитника на самостоятельный опрос свидетелей с приданием результатам статуса доказательств. В странах общего права (например, в США, Великобритании) адвокаты активно проводят собственное расследование, опрашивая лиц с составлением аффидевита (письменного показания под присягой), которое впоследствии может быть представлено в суд. В российской практике, согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе опрашивать лиц, но полученные сведения не являются доказательствами, а лишь «иными документами», которые суд или следователь могут проигнорировать¹. Представляется обоснованной позиция ученых, предлагающих легализовать «адвокатский протокол опроса», заверяемый нотариусом или самим адвокатом с предупреждением лица об ответственности за заведомо ложные показания по ст. 307 УК РФ². Такой документ должен приобретать статус доказательства (письменного показания свидетеля), подлежащего обязательному исследованию в суде, если лицо впоследствии не может быть вызвано. Это создаст реальный паритет в возможностях сторон по формированию доказательственной базы. Проблемы давления на свидетелей могут быть нивелированы за счет уголовной ответственности за воспрепятствование деятельности защитника и видеозаписи самого опроса.

Другим ключевым элементом, нуждающимся в укреплении на основе зарубежных стандартов, является комплекс гарантий при задержании. Так называемый «стандарт Миранды» в США и аналогичные строгие процедуры в ряде европейских стран подразумевают не только разъяснение прав, но и создание условий, при которых отказ от защитника является по-настоящему информированным и добровольным. В России, несмотря на наличие ст. ст. 46, 49 УПК РФ, сохраняется практика «бесед», «объяснений» и «опроса» до

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001.

² Азаров, В.А. Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы и перспективы легализации / В.А. Азаров // Законность. – 2020. – № 11. С. 102.

формального задержания и допуска защитника. Рецепция эффективного механизма здесь должна заключаться не в копировании формулировок, а во внедрении безусловной процессуальной санкции. Целесообразно закрепить в законе презумпцию недопустимости любых показаний, данных лицом после фактического лишения свободы (с момента доставления в орган власти) без предоставленной ему реальной возможности конфиденциально проконсультироваться с избранным защитником. Это должно подкрепляться обязательной непрерывной видеофиксацией всех контактов задержанного с должностными лицами с момента доставления.

На судебной стадии крайне полезным могло бы стать развитие института предварительных (досудебных) слушаний по инициативе защиты по образцу *motion hearings* в праве США. В настоящее время ходатайства защиты об исключении доказательств, истребовании документов, вызове свидетелей часто остаются без содержательного рассмотрения, «тонут» в материалах дела или формально отклоняются судом. Создание отдельной, обязательной процедуры, в рамках которой судья в открытом заседании с участием сторон обязан выслушать доводы защиты по существу заявленного ходатайства и вынести мотивированное постановление, кардинально усилило бы состязательность. Этот институт не является чуждым для российского процесса – он может стать логическим развитием норм ст. ст. 229, 234-235 УПК РФ о предварительном слушании, но с расширением круга вопросов, которые могут быть разрешены на данной стадии по инициативе защиты¹. Это потребует повышения активности и беспристрастности судей, что является отдельной задачей по изменению судебной культуры.

Особого критического анализа в контексте заимствования требует институт «сделки с правосудием» (*plea bargaining*). Российский особый порядок (гл. 40 УПК РФ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) являются отечественными аналогами. Однако в отличие от американской

¹ Бойко, А.И. Предварительное слушание в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути совершенствования / А.И. Бойко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019. С. 145.

модели, где защитник активно ведет переговоры с обвинением о конкретных условиях сделки, в России роль защитника зачастую сводится к формальному одобрению уже предрешенного обвинения. Полезным заимствованием здесь могли бы стать дополнительные гарантии: законодательное закрепление обязанности обвинения раскрывать защите все доказательства до заключения соглашения; обязательное участие защитника с самого начала обсуждения возможности сделки, а не только в суде; введение судебного контроля на стадии принятия признания (по аналогии с практикой «plea of Alford» в США, когда суд проверяет, есть ли фактическое основание для обвинения помимо признания подсудимого). Это позволило бы превратить особый порядок из инструмента конвейера обвинительных приговоров в осмысленную процедуру, где защитник выполняет роль советника и переговорщика.

Важнейшим организационно-гарантийным институтом, заслуживающим внимания, является система публичных защитников. В ряде штатов США и некоторых европейских странах созданы независимые от правоохранительных органов и судов структуры адвокатов, финансируемые государством, но обладающие самоуправлением. Это кардинально решает проблему «карманных» или недобросовестных адвокатов по назначению, чья лояльность нередко вызывает сомнения. Внедрение подобной системы в России, начатое с пилотных проектов в отдельных регионах, позволило бы обеспечить реальную, а не декларативную, доступность квалифицированной помощи для несостоятельных обвиняемых. Ключевыми условиями успеха являются достаточное бюджетное финансирование, обеспечивающее конкурентоспособные зарплаты, и гарантии профессиональной и организационной независимости такой службы от Минюста и судов¹. Это сложная, но необходимая долгосрочная реформа.

Мощным стимулом для следствия соблюдать права защиты могло бы стать заимствование доктрины «плодов отравленного дерева». В американском праве она означает, что не только доказательство, полученное с прямым нарушением

¹ . Ворожцов, С.А. Система государственной юридической помощи: сравнительно-правовое исследование / С.А. Ворожцов. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. С. 212.

закона (например, показания, данные без адвоката), но и все доказательства, обнаруженные на его основе (например, вещественные доказательства, найденные по таким показаниям), подлежат безусловному исключению. В России ст. 75 УПК РФ предусматривает недопустимость доказательств, полученных с нарушением закона, но на практике суды редко исключают производные доказательства, если они формально добыты законно. Имплементация этого принципа, пусть даже в смягченной форме – через расширительное толкование Пленумом Верховного Суда РФ понятия «нарушение закона, ставящее под сомнение достоверность доказательства», – создала бы мощный сдерживающий фактор для нарушений на ранних стадиях процесса¹.

Разработка комплексной модели поэтапной имплементации предполагает дифференциацию мер по срокам и глубине воздействия. К краткосрочным мерам, не требующим изменения кодексов, можно отнести изменения в правоприменительную практику на основе разъяснений высших судов. Например, издание Постановления Пленума ВС РФ, детально регламентирующего безусловное исключение доказательств, полученных в отсутствие защитника после фактического задержания, и обязательность видеофиксации этого процесса. К среднесрочным мерам, требующим внесения изменений в УПК РФ, относятся: законодательное закрепление института адвокатского опроса с определенным процессуальным статусом; расширение прав защитника на заявление ходатайств о производстве конкретных следственных действий с обязательным мотивированным ответом следователя и эффективным судебным обжалованием; реформа института защиты по назначению через повышение ставок оплаты труда, создание прозрачных ротационных списков в адвокатских палатах и внедрение элементов контроля качества. Долгосрочные системные преобразования могут включать рассмотрение возможности создания полноценной службы публичных

¹ 10. Гриненко, А.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России и США: сравнительно-правовой анализ / А.В. Гриненко // Российская юстиция. – 2022. – № 3. С. 55.

защитников и, что еще более фундаментально, глубокую реформу досудебного производства по модели следственного судьи (как во Франции или в проектах российских процессуалистов), который бы осуществлял судебный контроль за следственными действиями, разрешал ходатайства сторон и тем самым выводил защиту из-под тотального контроля органа уголовного преследования.

Прогнозируемыми результатами такой поэтапной имплементации избранных элементов зарубежного опыта стали бы: повышение доверия граждан к правосудию как к справедливому и беспристрастному институту; снижение количества обвинительных приговоров, основанных исключительно на доказательствах, добытых с нарушениями или в условиях процессуального неравенства; рост профессионального уровня и ответственности как адвокатов, получивших новые инструменты, так и следователей, вынужденных работать в условиях более строгих процессуальных ограничений; общее оздоровление уголовно-процессуальной культуры.

Таким образом, зарубежный опыт участия защитника в уголовном процессе представляет собой не готовую к слепому копированию модель, а богатый арсенал апробированных правовых инструментов и институциональных решений. Их избирательная, творческая и критическая адаптация с учетом специфики российской правовой системы способна стать эффективным средством преодоления ключевых дисфункций, выявленных в отечественной модели защиты.

Наиболее перспективными представляются инструменты, обеспечивающие реальный, а не декларативный паритет сторон на критически важной досудебной стадии (расширение прав на собирание доказательств, жесткие санкции за нарушение права на защиту), а также институты, создающие независимые гарантии качества юридической помощи для всех обвиняемых (реформа системы защиты по назначению).

Предложенные рекомендации, сгруппированные по этапам реализации, формируют практическую часть выводов работы, демонстрируя конкретные пути трансформации теоретически обоснованной необходимости усиления роли защитника в действующие нормы и правоприменительные стандарты.

Реализация этих мер требует политической воли, консенсуса в профессиональном сообществе и системной работы по изменению правовой культуры, но именно такой путь может привести к построению подлинно состязательного и справедливого уголовного судопроизводства в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование, посвященное участию защитника в уголовном судопроизводстве в сравнительно-правовой перспективе, позволило сформулировать ряд теоретических выводов и практических рекомендаций, направленных на преодоление системного кризиса отечественной модели защиты.

На основе историко-правового и теоретического анализа в первой главе работы установлено, что институт защиты является продуктом длительной социально-правовой эволюции, прошедшей путь от полного отрицания в инквизиционном процессе до признания его в качестве необходимого элемента правового государства и гаранта фундаментальных прав личности. Современное понятие защитника в российском праве характеризуется дуализмом: с одной стороны, конституционно-декларативный подход провозглашает его активным субъектом и гарантом права на квалифицированную помощь, с другой – рестриктивно-процессуальное регулирование в УПК РФ создает для его деятельности жесткие и зачастую ограничительные рамки. Было подтверждено, что участие защитника в производстве следственных действий выступает ключевым механизмом обеспечения состязательности «с первых шагов» расследования, реализуясь через комплекс взаимосвязанных функций (юридико-консультационную, процессуально-активную, контрольно-гарантирующую и гуманитарно-психологическую).

Критический анализ, осуществленный во второй главе, выявил глубинные системные противоречия российской модели. Установлено, что прогрессивные конституционные нормы и правовые позиции высших судов нейтрализуются инерционной правоприменительной практикой, сохраняющей отчетливый обвинительный уклон. К числу ключевых проблем отнесены: формализм в обеспечении доступа к защитнику на ранних стадиях; принципиальная ограниченность его полномочий по самостоятельному собиранию доказательств; дисбаланс в процессуальных возможностях сторон; а также такие явления практики, как тактика «информационной блокады» со стороны

следствия, пассивность судебного контроля на досудебных стадиях и феномен «мнимого» защитника. Эти дисфункции приводят к эрозии принципа равенства сторон, росту судебных ошибок и подрыву общественного доверия к правосудию.

Сравнительно-правовое исследование основных правовых семей (романо-германской и англосаксонской) продемонстрировало, что не существует универсальной, идеальной модели защиты. Каждая из них порождена своей философией права, историческим контекстом и социальными условиями. Континентальная модель, делая акцент на установлении материальной истины и активной роли государства, обеспечивает системность, но исторически ограничивает инициативу защиты. Состязательная модель, основанная на идее спора равных сторон, предоставляет защитнику мощные инструменты, но несет риски превращения правосудия в «игру» и углубления социального неравенства. Российская (постсоветская смешанная) модель занимает промежуточное положение, неустойчиво сочетая в себе инквизиционное наследие с формальными состязательными элементами, что и порождает ее внутреннюю противоречивость и низкую эффективность.

Наиболее значимым результатом исследования является разработанный комплекс научно обоснованных предложений по адаптации и внедрения позитивного зарубежного опыта для реформирования российской системы права. Эти предложения носят конкретный и поэтапный характер:

1. Краткосрочные меры (изменение практики): безусловное исключение доказательств, полученных после фактического задержания без обеспечения реальной возможности связи с защитником, подкрепленное обязательной непрерывной видеофиксацией. Закрепление данной позиции в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

2. Среднесрочные меры (внесение изменений в УПК РФ):

- легализация адвокатского опроса с приданием заверенному протоколу статуса доказательства (письменного показания), подлежащего обязательному исследованию в суде;

- введение института расширенных предварительных слушаний по

ходатайству защиты для содержательного разрешения вопросов об исключении доказательств и истребовании доказательств до начала судебного разбирательства;

- реформа системы защиты по назначению: значительное повышение ставок оплаты, формирование прозрачных ротационных списков в адвокатских палатах и создание независимых комиссий по контролю качества такой помощи.

3. Долгосрочные системные преобразования:

- поэтапное создание службы публичных защитников, организационно и финансово независимой от правоохранительных органов и судов;

- рассмотрение возможности внедрения фигуры следственного судьи по континентальной модели для осуществления действенного судебного контроля за законностью на досудебной стадии и разрешения ходатайств сторон.

Основной вывод работы заключается в том, что преодоление кризиса института защиты в России требует не косметических изменений, а системной трансформации, направленной на устранение фундаментального дисбаланса между обвинением и защитой. Зарубежный опыт предлагает для этого не готовые шаблоны, а набор эффективных правовых инструментов. Их избирательная, критическая и творческая адаптация с учетом российской правовой традиции и культурного контекста способна обеспечить переход от формальной к реальной состязательности и гарантировать конституционное право каждого на эффективную квалифицированную защиту. Реализация предложенных мер потребует консолидированных усилий законодателя, судейского и адвокатского сообществ, но именно этот путь ведет к построению справедливого и пользующегося общественным доверием уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 24 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996.

4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апреля 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 мая 2002 г. (ред. от 25 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (ред. от 29 ноября 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

6. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509,

ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Российская газета. 2013. № 282.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Азаров В.А. Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы и перспективы легализации / В.А. Азаров // Законность. 2020. № 11. С. 98–103.

2. Александров А.С. Состязательность в уголовном процессе: назначение и реальные функции / А.С. Александров // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 33–40.

3. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика: учебное пособие для вузов / М.Ю. Барщевский. 3-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2019. 256 с.

4. Бойко А.И. Предварительное слушание в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути совершенствования / А.И. Бойко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019. 180 с.

5. Бозров В.М. Современные проблемы предварительного расследования в России / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2018. 312 с.

6. Борисова Н.Е. Конвергенция правовых систем в сфере уголовной юстиции: теоретические и практические аспекты / Н.Е. Борисова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. С. 38–50.

7. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры: в 2 ч. / Е.В. Васьковский. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1893. Ч. I. 458 с. (Репринтное издание).

8. Ветрова Г.Н. Адвокат как субъект уголовного процесса: монография / Г.Н. Ветрова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2017. 198 с.

9. Ворожцов С.А. Система государственной юридической помощи: сравнительно-правовое исследование / С.А. Ворожцов. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 256 с.

10. Газетдинов Н.И. Обеспечение права на защиту в стадии

предварительного расследования: монография / Н.И. Газетдинов. Казань: Познание, 2018. 215 с.

11. Головкин Л.В. Реформа уголовного правосудия в России: современные тенденции и исторический контекст / Л.В. Головкин. М.: Статут, 2021. 480 с.

12. Григорьев В.Н., Победкин А.В. Участие защитника в доказывании на предварительном следствии: монография / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин. М.: Эксмо, 2018. 192 с.

13. Гриненко А.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России и США: сравнительно-правовой анализ / А.В. Гриненко // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 50–56.

14. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2009. 456 с.

15. Даев В.Г. Процессуальные санкции в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев. М.: Юрлитинформ, 2017. 168 с.

16. Деришев Ю.В. Проблемы конструирования уголовно-процессуальной функции защиты / Ю.В. Деришев // Государство и право. 2019. № 5. С. 31–39.

17. Есина А.С. Гарантии прав личности при производстве следственных действий в уголовном процессе России: монография / А.С. Есина. М.: Юрлитинформ, 2019. 224 с.

18. Карнозова Л.М. Возвращение судебной власти в уголовный процесс: концепция следственного судьи / Л.М. Карнозова // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 3–10.

19. Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации / В.П. Кашепов // Государство и право. 2019. № 2. С. 77–85.

20. Ковтун Н.Н. Актуальные проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве России / Н.Н. Ковтун // Российский судья. 2021. № 5. С. 12–16.

21. Конов А.М. Психология участия личности в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А.М. Конов. М.: Проспект, 2019. 144 с.

22. Кудрявцев В.Л. Особый порядок судебного разбирательства: практика применения и направления реформирования / В.Л. Кудрявцев. М.: Юстицинформ, 2020. 192 с.

23. Кудрявцева А.В. Участие защитника в следственных действиях: процессуальные и тактические аспекты / А.В. Кудрявцева. М.: Юстицинформ, 2020. 176 с.

24. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе (проблемы теории и практики) / Э.Ф. Куцова. М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.

25. Лазарев В.В. Правовые трансплантации: теория и практика / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 75–85.

26. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 288 с.

27. Лукичев Н.А. Актуальные проблемы участия защитника на предварительном следствии / Н.А. Лукичев // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 20–25.

28. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / П.А. Лупинская; отв. ред. П.А. Лупинская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 1072 с.

29. Марковичева Е.В. Модели уголовного процесса: сравнительно-правовое исследование / Е.В. Марковичева. М.: Проспект, 2018. 192 с.

30. Махов В.Н., Корнев А.В. Психология адвокатской деятельности / В.Н. Махов, А.В. Корнев. М.: Юриспруденция, 2020. 168 с.

31. Мичурина О.В. Право на защиту в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы реализации / О.В. Мичурина. М.: Проспект, 2019. 160 с.

32. Михайлов А.В. Принцип равенства сторон в уголовном судопроизводстве: теоретические и практические проблемы / А.В. Михайлов. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2018. 304 с.

33. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концептуальные основы реформирования / Е.Б. Мизулина // Государство и право. 2020. № 5. С. 64–73.

34. Нажимов В.П. Следственные действия в советском уголовном процессе / В.П. Нажимов. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1974. 208 с.
35. Новиков М.В. Доступ к защитнику в уголовном процессе: вопросы теории и практики / М.В. Новиков // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 43–55.
36. Пашин С.А. Уголовный процесс зарубежных стран / С.А. Пашин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 367 с.
37. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И.Л. Петрухин. М.: Проспект, 2018. 352 с.
38. Петрухин И.Л. Проблемы участия защитника в доказывании на предварительном следствии / И.Л. Петрухин // Государство и право. 2018. № 7. С. 94–102.
39. Рыбалов К.А. Заимствование правовых институтов: проблемы теории и практика / К.А. Рыбалов // Государство и право. 2019. № 8. С. 112–120.
40. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Дело и Сервис, 2023. 1024 с.
41. Сапронова М.А. Правовые системы современного Востока: государства Арабского Востока, Турция, Иран, Афганистан, Израиль / М.А. Сапронова. М.: МГИМО-Университет, 2016. 278 с.
42. Скиперских А.В. Инквизиционный процесс в России: историко-правовое исследование / А.В. Скиперских. М.: Юрлитинформ, 2016. 210 с.
43. Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. СПб.: Альфа-Пресс, 2017. 320 с.
44. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2020. 704 с.
45. Томин В.Т. Очерки теории уголовного процесса / В.Т. Томин. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. 312 с.
46. Томсинов В.А. Сравнительное правоведение и юридическая география мира / В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2017. 304 с.

47. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. СПб.: Альфа, 1996 (репринт изд. 1912 г.). Т. 2. 606 с.
48. Цепкова Т.М. Сравнительное уголовно-процессуальное право: учебное пособие / Т.М. Цепкова. М.: РГ-Пресс, 2020. 215 с.
49. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2018. 256 с.
50. Шестакова С.Д. Участие защитника в следственных действиях: научно-практическое пособие / С.Д. Шестакова. М.: Проспект, 2022. 192 с.
51. Щерба С.П. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: теория, законодательство, практика / С.П. Щерба. М.: Норма, 2020. 256 с.

III. Эмпирические материалы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 429-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав статьями 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000.
3. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2023 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 сентября 2023 г.) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/practice> (дата обращения: 15.10.2025).
4. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве за 2018-2022 годы (утв. Президиумом КС РФ) [Электронный ресурс]. Официальный сайт

Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reviews> (дата обращения: 05.12.2025).

5. Архив Верховного Суда РФ. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 марта 2021 г. № 5-УД21-12-А2 (приводится по: [16, с. 45]).

6. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» / «Обзоры судебной практики» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/practice> (дата обращения: 07.11.2025).

7. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. Раздел «Решения» / «Обзоры практики» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.02.2026).

8. Дневник преддипломной практики // Личный архив автора. – 2026 (дата обращения 10.02.2026).

9. Задание на преддипломную практику от 01 сентября 2025 г. // Личный архив автора. – 2026 (дата обращения 11.02.2026).

10. Материалы изучения протоколов следственных действий, связанных с участием защитника от 19.09.2025 и 16.10.2025 // Личный архив автора – 2026 (дата обращения 10.02.2026).

11. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.11.2025).

12. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.12.2025).

13. Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

ПРОТОКОЛ допроса обвиняемого

г. Сочи

« 16 » октября 25 г.

(место составления)

Допрос начат в 14 ч 15 мин
 Допрос окончен в 14 ч 30 мин

Старший следователь ОРП на ОТ ОП (Адлерский район) УВД по г. Сочи старший

(должность следователя (руководителя следственного органа, дознавателя),

капитан юстиции Лысов Н.В.

классный чин или звание, фамилия, инициалы)

в помещении служебного кабинета № 204 ОП (Адлерский район) УВД по г. Сочи

(каком именно)

в соответствии со ст. 73, 174 и 189 УПК РФ допросил по уголовному делу

№ 12501030059001*** в качестве обвиняемого:

1. Фамилия, имя, отчество ***

2. Дата рождения *** года рождения

3. Место рождения *** Республика Узбекистан

4. Место жительства и (или) регистрации на территории РФ не зарегистрирован

фактически проживает по адресу: Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, пгт. Красная Поляна, ул. ***

телефон -

5. Гражданство Респ. Узбекистан

6. Образование среднее

7. Семейное положение, состав семьи женат, на иждивении детей нет

8. Место работы или учебы официально не трудоустроен

телефон нет

9. Отношение к воинской обязанности на территории РФ не военнообязанный
 (где состоит на учете)

10. Наличие судимости на территории РФ не судим
 по какой статье УК РФ, вид и размер

наказания, когда освобожден)

11. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность обвиняемого паспорт гр-на

Республики Узбекистан № *** , выдан *** г. МВД ***

12. Иные данные о личности обвиняемого не состоит на «Д» учете у врача нарколога и психиатра

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

с участием обвиняемого ***

(процессуальное положение, фамилия, имя, отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии,

защитника ***

а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности)

Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств _____ (каких именно)

ноутбука «ASUS» и МФУ «SAMSUNG», клавиатуры, манипулятора-мыши, применяемые

следователем Лысовым Н.В. для переноса информации на бумажный носитель формата А4

Технические средства применяются в условиях смешанного освещения, светлого времени суток, облачной погоды, в кабинете.

Против применения технических средств не возражаем:

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Перед началом первого допроса обвиняемого

разъяснены

(фамилия, инициалы)

права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ:

Обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите.

Обвиняемый вправе:

- 1) знать, в чем он обвиняется;
- 2) получать копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения или обвинительного акта;
- 3) возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания, он предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, то есть в случае дачи обвиняемым показаний в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные обвиняемым в суде;
- 4) представлять доказательства;
- 5) заявлять ходатайства и отводы;
- 6) давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет;
- 7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- 8) пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;
- 9) иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;
- 9.1) с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;
- 10) участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания;
- 11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта;

12) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме;

13) снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;

14) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом;

15) возражать против прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 27 УПК РФ, то есть вследствие акта об амнистии, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, отсутствием заключения суда об отсутствии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2-1 ч. 1 ст. 448 УПК, либо отсутствия согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3-5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, а также в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием;

16) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанции, а также в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении него меры пресечения и в иных случаях, предусмотренных п. 1-3 и 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, то есть при рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, о продлении срока содержания под стражей, о помещении обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, о временном отстранении обвиняемого от должности;

17) знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать замечания на них;

18) обжаловать приговор, определение, постановление суда и получать копии обжалуемых решений;

19) получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления;

20) участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора;

21) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Участие в уголовном деле защитника или законного представителя обвиняемого не служит основанием для ограничения какого-либо права обвиняемого.

Обвиняемому также разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, то есть родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестер, дедушки, бабушки, внуков.

Кроме того, обвиняемому разъяснено его право, предусмотренное ст. 317-1 УПК РФ, заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитнику перед началом допроса разъяснены требования статьи 53 УПК РФ, а именно:

1. С момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе:

1) иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, то есть наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности;

2) собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ, то есть путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций;

3) привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ;

4) присутствовать при предъявлении обвинения;

5) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

6) знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому;

7) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;

8) заявлять ходатайства и отводы;

9) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора;

10) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда и участвовать в их рассмотрении судом;

11) использовать иные не запрещенные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации средства и способы защиты.

2. Защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Следователь может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

3. Защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В соответствии со ст. 49 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и не имеет соответствующего допуска к указанным сведениям, он обязан дать подписку об их неразглашении.

Одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

Защитник

Обвиняемому *** и защитнику *** в соответствии со ст. ст. 173, 187, 189, 190 УПК РФ разъяснен порядок производства допроса, а именно:

в соответствии со ст. 173 УПК РФ:

1. Следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

2. В начале допроса следователь выясняет у обвиняемого, признает ли он себя виновным, желает ли давать показания по существу предъявленного обвинения и на каком языке. В случае отказа обвиняемого от дачи показаний следователь делает соответствующую запись в протоколе допроса.

3. Допрос проводится в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ с изъятиями, установленными ст. 173 УПК РФ.

4. Повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого.

в соответствии со ст. 187 УПК РФ:

1. Допрос производится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого.

2. Допрос не может длиться непрерывно более 4 часов.

3. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов.

4. При наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача.

в соответствии со ст. 189 УПК РФ:

1. перед допросом следователь выполняет требования, предусмотренные ч. 5 ст. 164 УПК РФ, то есть удостоверяется в личности участников уголовного судопроизводства, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то он выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания.

2. Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса.

3. Допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями.

4. По инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются.

5. Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе и пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ, то есть вправе давать присутствию следователя краткие консультации с допрашиваемым лицом, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия.. По окончании допроса адвокат вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля. Указанные заявления подлежат занесению в протокол допроса;

в соответствии со ст. 190 УПК РФ:

1. ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ.

2. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. В протокол записываются все вопросы, в том числе и те, которые были отведены следователем или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, с указанием мотивов отвода или отказа.

3. Если в ходе допроса допрашиваемому лицу предъявлялись вещественные доказательства и документы, оглашались протоколы других следственных действий и воспроизводились материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки следственных действий, то об этом делается соответствующая запись в протоколе допроса. В протоколе также должны быть отражены показания допрашиваемого лица, данные при этом.

4. Если в ходе допроса проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, то протокол должен также содержать:

1) запись о проведении фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки;

2) сведения о технических средствах, об условиях фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и о факте приостановления аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, причине и длительности остановки их записи;

3) заявления допрашиваемого лица по поводу проведения фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки;

4) подписи допрашиваемого лица и следователя, удостоверяющие правильность протокола.

5. Допрашиваемым лицом в ходе допроса могут быть изготовлены схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые приобщаются к протоколу, о чем в нем делается соответствующая запись.

6. По окончании допроса протокол предъявляется допрашиваемому лицу для прочтения либо по его просьбе оглашается следователем, о чем в протоколе делается соответствующая запись. Ходатайство допрашиваемого о дополнении и об уточнении протокола подлежит обязательному удовлетворению.

7. В протоколе указываются все лица, участвовавшие в допросе. Каждый из них должен подписать протокол, а также все сделанные к нему дополнения и уточнения.

8. Факт ознакомления с показаниями и правильность их записи допрашиваемое лицо удостоверяет своей подписью в конце протокола. Допрашиваемое лицо подписывает также каждую страницу протокола.

9. Отказ от подписания протокола допроса или невозможность его подписания лицами, участвовавшими в допросе, удостоверяется в порядке, установленном ст. 167 УПК РФ, то есть в случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или иного лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия, следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя, представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии; лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол.

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Сущность предъявленного мне обвинения в совершении преступления, предусмотренного

п. «з» ч. 2 ст. 111

УК РФ,

(пункт, часть, статья)

мне разъяснена и понятна. Виновным себя в совершении преступлений, предусмотренных

п. «з» ч. 2 ст. 111

УК РФ,

(пункт, часть, статья)

(признаю, не признаю, признаю частично)

Давать показания

на

(желаю, не желаю)

(каком именно языке)

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

При согласии дать показания я предупрежден о том, что мои показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае моего последующего отказа от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

По существу предъявленного обвинения обвиняемый показал следующее: русским языком владею хорошо, в услугах переводчика не нуждаюсь. Состояние моего здоровья позволяет мне осознавать характер моих действий и давать показания.

В совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, вину признаю в полном объеме. С предъявленным обвинением согласен.

13 августа 2025 года около 21 часа 00 минут, более точное время не помню, я находился по адресу своего проживания в своей комнате и употреблял спиртные напитки (водку). Также хочу пояснить, что в доме, в котором я арендовал комнату, есть общая кухня, на которой находился *** и ***, полные анкетные данные мне неизвестны, которые совместно распивали алкогольную продукцию.

Далее, 13 августа 2025 года, примерно в 21 час 30 минут, точное время не помню, я вышел на улицу, чтобы покурить, перед домом стояли *** и ***, которые уже курили. *** находясь в состоянии опьянения начал меня оскорблять, а также он начал выражаться грубой нецензурной бранью в адрес моей мамы, во время нашего словесного конфликта на улицу вышел ***, полные анкетные данные мне не известны, который смотрит за порядком в указанном доме и начал говорить, чтобы мы успокоились, так как время уже позднее, а мы громко кричим, после чего мы перестали конфликтовать, и я направился в соседнюю комнату, чтобы забрать тарелку с салатом. Также хочу пояснить, что возле тарелки лежал кухонный нож с деревянной ручкой, лезвие указанного ножа было немного изогнуто. Указанный кухонный нож я положил в правый задний карман надетых на мне штанов, лезвием вниз и направился в свою комнату, при этом я проходил по улице, где находился ***, *** и ***. Я попросил у них сигарету, при этом *** подошел ко мне близко и снова начал меня оскорблять, при этом все оскорбления он говорил на Узбекском языке. Не выдержав оскорблений, я достал нож из кармана и держа его в правой руке я нанес не менее двух ударов в область туловища ***, и не менее двух ударов в область левой руки, но куда именно я ударил *** я не помню, так как находился в состоянии алкогольного опьянения. После того как я нанес удары ножом *** он нанес мне один удар кулаком правой руки в область лица слева, после чего он начал пятиться назад и сел на скамейку, расположенную возле д. *** по ул. *** пгт. Красная Поляна Адлерского района г. Сочи и сказал, что у него кровь. Далее, у меня забрали нож из руки, но кто именно забрал я не помню. Осознав, что я

совершил преступление, я забежал к себе в комнату, взял свои документы, а именно паспорт гражданина Республики Узбекистан и направился на общественном транспорте в аэропорт города Сочи, для того чтобы улететь к себе домой в Республику Узбекистан, а также для того, чтобы скрыться от правоохранительных органов и избежать наказание за то, что я порезал ножом ***. Находясь в аэропорту г. Сочи, я был задержан сотрудниками полиции и доставлен в ОП (Адлерский район) УВД по городу Сочи.

Показания даны мной добровольно, в присутствии моего защитника *** без оказания на меня какого – либо давления.

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

В ходе производства допроса изготовлены: не изготавливались.

К протоколу прилагаются не прилагаются

Перед началом, в ходе либо по окончании допроса обвиняемого от участвующих лиц обвиняемого *** защитника ***

(их процессуальное положение, фамилии, инициалы)

Заявления не поступили.

(не поступили, поступили, их содержание)

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Протокол прочитан лично обвиняемым *** и защитником ***

(лично или по просьбе обвиняемого вслух следователем)

-

(руководителем следственного органа, дознавателем)

Замечания к протоколу нет

(содержание замечаний либо указание

на их отсутствие)

Обвиняемый

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Защитник

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 166 (167) УПК РФ.

Старший следователь по ОВД
капитан юстиции

ПРОТОКОЛ проверки показаний на месте

г. Сочи Адлерский район
(место составления)

« 19 » сентября 20 25 г.

Проверка показаний на месте начата в 11 ч 55 мин

Проверка показаний на месте окончена в 14 ч 00 мин

Старший следователь по ОВД отдела по расследованию преступлений на обслуживаемой территории

(должность следователя (дознателя),

ОП (Адлерский район) СУ УВД по г. Сочи капитан юстиции Н.В. Лысов

классный чин или звание, фамилия, инициалы)

в присутствии понятых:

1. в соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ понятые не участвовали

(фамилия, имя, отчество

и место жительства понятого)

2. в соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ понятые не участвовали

(фамилия, имя, отчество

и место жительства понятого)

с участием о/у – ***. защитника – ***.; подозреваемого – ***.

(процессуальное положение, фамилия, имя, отчество каждого лица,

которому ст. 51 Конституции РФ разъяснена и понятна

участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности)

в соответствии со ст. 194 УПК РФ произвел проверку показаний на месте подозреваемого

***, *** года рождения

(процессуальное положение, фамилия, инициалы лица)

по уголовному делу № 12501030059001***

Перед началом проверки показаний на месте участвующим лицам разъяснены их права, ответственность, а также порядок производства проверки показаний на месте.

Понятым, кроме того, до начала осмотра разъяснены их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ.

(подпись понятого)

(подпись понятого)

Специалисту (эксперту) не участвовал

(фамилия, имя, отчество)

разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 58 (57) УПК РФ.

(подпись)

(подпись понятого)

(подпись понятого)

Перед началом следственного действия свидетель (потерпевший)

(фамилия,

имя, отчество)

предупрежден об ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний и по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний. При этом ему разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

При согласии дать показания потерпевший (свидетель) предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний¹.

Свидетель (потерпевший)

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

Перед началом следственного действия **подозреваемому** (обвиняемому)

_____ (фамилия)

(имя, отчество)

разъяснено право отказаться от дачи показаний. При согласии дать показания он предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного п. 1 части второй ст. 75 УПК РФ. При этом ему разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ².

Подозреваемый (обвиняемый)

_____ (подпись)

_____ (фамилия, инициалы)

Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств фотоаппарата мобильного телефона марки «Samsung», старшим следователем Н.В. Лысовым, для фиксации хода и результатов проверки показаний на месте

(и кем именно)

Проверка показаний на месте производилась в условиях ясной погоды

при естественном освещении

(погода, освещенность)

Перед проверкой показаний на месте лицу ***

_____ (фамилия, инициалы)

предложено указать место, где его показания будут проверяться.

указал

место и способ совершения

_____ (фамилия, инициалы)

преступления

(что именно)

(подпись понятого)

(подпись понятого)

Проверкой показаний на месте установлено: _____

По предложению подозреваемого *** все участники следственного действия на автомобиле «Лада Веста», с государственными регистрационными знаками

*** 193 регион, под управлением оперуполномоченного ОУР ОП (Адлерский район) УВД по г. Сочи отправились от здания ОП (Адлерский район) УВД по городу Сочи, расположенного по улице Кирпичная, 1 «Б» в Адлерском районе города Сочи, по направлению, указанному подозреваемым ***. Прибыв по адресу: Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, пгт. Красная Поляна, д. ***, подозреваемый указал на участок местности возле указанного дома и

¹ Данная графа заполняется в случае проверки показаний свидетеля (потерпевшего).

² Данная графа заполняется в случае проверки показаний на месте подозреваемого (обвиняемого).

пояснил, что 13 августа 2025 года, примерно в 21 час 30 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе конфликта с *** который также находился в состоянии алкогольного опьянения, нанес ему не менее трех ударов кухонным ножом, рукоятка которого выполнена из дерева, лезвие указанного ножа изогнуто в область живота.

По окончании проверки показаний на месте, все участники следственного действия проехали в служебный кабинет № 204 ОП (Адлерский район) УВД по г. Сочи, для составления настоящего протокола.

В ходе проверки показаний на месте проводилась фотосъёмка для фиксации хода и результатов следственного действия

(подпись понятого)

(подпись понятого)

К протоколу прилагаются фототаблица на 3 л.

(фотографические негативы и снимки,

Протокол предъявлен для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъяснено их право делать подлежащие внесению в протокол оговоренные и удостоверенные подписями этих лиц замечания о его дополнении и уточнении. Ознакомившись с протоколом путем оглашения вслух ст. следователем

участники следственного действия сделали следующие замечания о его дополнении и уточнении: от участвующих лиц подозреваемого ***, защитника ***, о/у *** замечания и дополнения не сделали _____

(указываются процессуальное положение, фамилия и инициалы участника следственного действия)

Свидетель (потерпевший)

(подпись)

(фамилия, инициалы)

Подозреваемый (обвиняемый)

(подпись)

(фамилия, инициалы)

Специалист (эксперт)

(подпись)

(фамилия, инициалы)

Иные участвующие лица:

(подпись)

(фамилия, инициалы)

(подпись)

(фамилия, инициалы)

Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ.

Старший следователь по ОВД
капитан юстиции

(подпись)

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную или служебную тайну.

О.Г. Колесникова